

Д.О. ПОЛОВЦЕВ

Минск

**ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М. АРНОЛЬДА И
РОМАН Э.М. ФОРСТЕРА «ХАУАРДЗ ЭНД»**

Эстетические взгляды известного викторианского поэта, литературного критика и культуролога М. Арнольда оказались в достаточной степени изучены в советском литературоведении. В меньшей степени было исследовано творчество другого английского писателя Эдварда Моргана Форстера – автора эссе, литературно-критических статей, ряда новелл и шести романов. Несмотря на то, что в своих эссе, новеллах и романах Э.М. Форстер обращается к идеям Арнольда, этот аспект его творчества (как и многие другие) оказался совершенно неисследованным в советском литературоведении.

В данной статье впервые в белорусском и российском литературоведении предпринимается попытка проследить трансформацию и преломление эстетических воззрений М. Арнольда в романе Э.М. Форстера «Хауардз Энд» («*Howards End*», 1910).

Большинство зарубежных исследователей творчества Э.М. Форстера лишь указывают на сходство идей М. Арнольда (работа «*Culture and Anarchy*» (1869)) и Э.М. Форстера в романе «*Howards End*» [3; 10], [5; 16, 27, 31], [11; 25]. Для английского прозаика М. Арнольд является, по собственному признанию Форстера, «of all the Victorians the most to my taste: a great poet, a civilized citizen, and a prophet who has managed to project himself into our present so that we read him now he seems in the room» [9; 202]. Представляется, что одним из источников обращения к социальным проблемам, поднимаемым Форстером в художественном творчестве, являются взгляды М. Арнольда, который, по мысли писателя, предвидел проблемы современности. Форстер, однако, не просто использует некоторые воззрения Арнольда, которые мы рассмотрим чуть ниже, а тестирует их.

По мнению американского исследователя Л. Триллинга, Форстер разделял многое «с тем, что чувствовал Арнольд» [13; 174]. Более того, оба писателя «feared... nagging, rigorous intellects»; оба стремились к «life of acceptant calm» [13; 174].

По мысли М. Арнольда, достижение гармонии возможно лишь посредством личных взаимоотношениях. Вероятно, здесь находятся истоки теории «личных контактов», проповедуемой Форстером и группой Блумсбери, членом которой он некоторое время являлся. Человек, как полагал Арнольд, должен видеть жизнь «steadily and whole»; именно в этом заключается «цельность» («wholeness»). К ней стремятся, например, Эмерсоны в романе Форстера «Комната с видом» («*A Room with a View*», 1908) Филдинг в «Поездке в Индию» («*A Passage to India*», 1924).

«Цельности» могут достичь лишь герои Форстера с «развитым» сердцем (по терминологии самого Форстера), ценящие воображение.

В своей работе «Culture and Anarchy» Арнольд также стремился к цельности, развивая теорию культуры¹. Так, в частности, он отмечал, что «culture... [was]... a pursuit of our total perfection...» [1; 6]. «Total perfection» означало гармонию души и тела – духовную цельность, которая затрагивает все стороны существования человека: моральную, интеллектуальную, эстетическую, социальную. Арнольд считал важным соединить все силы в человеке. Он выделяет следующие: «the power of conduct, the power of intellect and knowledge, the power of beauty, ... the power of social life» [2; 292-293]. У англичан наиболее всего, по мнению Арнольда, выражена «the power of conduct», проявляющаяся в религиозности, любви к общественному порядку и стабильности. Попытка соединить «фрагментарного человека» являлась актуальной, так как люди были «broken into small fragments and crumbs of life» [12; 69]. Арнольд полагал, что существует «ceaseless oscillations between man's different impulses and different selves» [6; 156]. Человек, по мнению мыслителя, достигает совершенства, развивая каждое из этих. Я. Совершенство заключается в целостности, которая состоит в движении во все стороны.

Инструментом для тестирования идей Арнольда в романе «Хауардз Энд» выступает Леонард Баст. Его «... mind and ... body had been alike underfed, because he was poor, and because he was modern they were always craving better food» [8; 39]. Он стремится наполнить свою «серую жизнь» чем-то другим; у Леонарда есть мечта: «to acquire culture» [8; 34], причем сделать это он хочет немедленно. Леонард пытается приобщиться к миру культуры, олицетворением которой считает сестер Шлегель. Их попытки помочь ему войти в этот мир терпят поражение, ибо они не видят в нем личность; Элен и Маргарет рассматривают Леонарда лишь как типичного представителя английского общества, он является темой для дебатов в дискуссионном клубе. Более того, из-за них Леонард теряет работу, затем становится сексуальным объектом для Элен. В конце романа Маргарет советует Элен забыть отца своего ребенка, а Элен признается: «I want never to see him again, though it sounds appalling» [8; 267].

Шансы Леонарда «соединиться» («connect») с миром культуры не велики: «Some are born cultured; the rest had better go in for whatever comes easy. To see life steadily and to see it whole was not for the likes of him» [8; 47]. Для Леонарда культура означает лишь «... pronounce foreign names correctly...» [8; 34]. Он не осознает того, что необходим определенный уровень интеллектуального развития для полноценного погружения в мир культуры, и из-за этого Леонард страдает. «Внезапное превращение» и приобщение к миру духовных ценностей не происходит; так же как оно невозможно лишь при помощи чтения книг. Совершенно верно полагает Арнольд, что для этого необходимо «the development of the whole man, to connection and harmonizing all parts of him» [4; 184]. Поэтому попытки

Леонарда Баста тщетны. Он обусловлен своим «убогим» окружением и не может достичь гармонии посредством культуры.

Форстер рассматривает в романе преимущественно средний класс, он даже устанавливает границы для своего исследования: «We are not concerned with the very poor» [8; 38]. М. Арнольд выделяет три класса в английском обществе: аристократию, средний и рабочий классы. Ни одна из групп, по его мысли, не обладает «sweetness and light». Так, например, аристократия, обладала «a kind of image or shadow of sweetness;... but it [was] lured off from following the light by those mighty and external seducers of our race... worldly splendour, security, power, and pleasure» [2; 102]. Ей не присуща сила мысли и чувства. Средний класс предпочитает «machinery of business, chapels, tea meetings». В «Culture and Anarchy» Арнольд указывает на то, что рабочий класс («raw and half-devepoled», «half-hidden amidst its poverty and squalor» [2; 105]) живет жизнью «more hideous, more dismal, more unenviable», он стремится к «blood and fire». [2; 94]. Кто же тогда, по мнению Арнольда, может достичь внутренней гармонии? Только те, кто «[were] mainly led, not by their class spirit, but by a general humane spirit, by the love of human perfection» [2; 109]. Арнольд их называет «чужаками» («aliens»).

Любопытно, что и у Форстера культурой могут наслаждаться только избранные. Так, например, Маргарет, полагает: «... independent thoughts are in nine cases out of ten the result of independent means» [8; 109]. К похожей точке зрения приходит и сам Леонард: он замечает, что «poetry's nothing. ... One's thoughts about this and that are nothing» [8; 194]. Задолго до смерти Леонарда Баста Маргарет Шлегель думает, что «Culture had worked in her own case, but ... she had doubted whether it humanized the majority, so wide and widening is the gulf that stretches between the natural and philosophic man, so many the good chaps who are wrecked trying to cross it» [8; 98]. Форстер подтверждает эту мысль Маргарет на концерте Пятой симфонии Бетховена, когда Леонард не может «соединить»ⁱⁱ все воедино: «His brain might be full of names, he might even have heard of Monet and Debussy; the trouble was that he *could not string them together into a sentence* [курсив наш. – Д.П.]» [8; 34]. Леонард пытается последовать за сестрами Шлегель «... up that narrow, rich staircase at Wickham Place, to some ample room, whither he would never follow them, not if he read for ten hours a day» [8; 47]. Он пытается приобщить к культуре свою будущую жену Джеки, но она остается к этому равнодушной.

По мнению сестер Шлегель, культура является средством совершенствования своего «Я», а также средством, как полагал М. Арнольд, преобразования общества. Они ценят «temperance, tolerance, and sexual equality» [8; 24]; жизнь кажется им «хаотичной», «... full of false clues and signposts that lead nowhere» [8; 91]. Может ли мир книг подготовить к таким напряженным испытаниям, как, например, любовь? Форстер отрицательно отвечает на этот вопрос. Так, в самом начале романа импульсивная и эгоцентричная Элен, впадает в истерику при контактах с окружающим миром. Все попытки Элен Шлегель «соединиться» приводят к «панике и пустоте» («panic and emptiness»). Элен влюбляется в Поля Вилкокса, но

юный Вилкоккс не разделяет чувства Элен. В дальнейшем в романе «Panic and emptiness!» ассоциируется у Элен с семьей Вилкоксов: «...I [Helen. – Д.П.] felt for a moment that the whole Wilcox family was a fraud, just a wall of newspapers and motor-cars and golf-clubs, and that if it fell I should find nothing behind it but panic and emptiness» [8; 22]. Это понимает и Маргарет: чувство любви «... unlike the article served up in books». [8; 151]. Непосредственный опыт, который Форстер ценит превыше всего, может быть найден лишь посредством «... continuous [experimental] excursions» [8; 166].

Такую «экскурсию», а точнее ночное путешествие, совершает Леонард Баст. Он пытается «раздвинуть границы» своего существования, но делает это при помощи книжных знаний. Сестры Шлегели понимают значение и важность этого «путешествия». Они хотят, чтобы он рассказал о своих впечатлениях непосредственно, не обращаясь к почерпнутым из книг знаниям. Для Леонарда «ночное путешествие» оказалось огромным опытом: «He had hitherto supposed the unknown to be books, literature, clever conversation, culture. One raised oneself by study, and got upsides with the world. But in that quick interchange a new light dawned» [8; 106]. Этот опыт несравним с книжными знаниями о культуре и о гармоническом совершенстве человеке. Оказалось, что путь к нему находится в существующей реальности.

Элен и Маргарет стараются объяснить Леонарду смысл его «путешествия», но он не может увидеть связь между ним и своим ежедневным существованием, то есть не может их «соединить»: «... we hoped there would be a connection between last Sunday and other days. What is the good of your stars and trees, your sunrise and the wind, if they do not enter into your daily lives? ... Haven't we all to struggle against life's daily grayness, against pettiness, against mechanical cheerfulness, against suspicion?» [8; 122]. Маргарет понимает смысл «путешествия» Леонарда: «You tried to get away from the fogs that are stifling us all – away past books and houses to the truth. You were looking for a real home» [8; 122]. Нельзя не отметить двоякую позицию сестер Шлегель: с одной стороны, с их помощью Баст пытается погрузиться в мир книг и духовной культуры, но, с другой, они же и разрушают иллюзию этого приобщения.

Очевидно, что Э.М. Форстер видел наивность идей Арнольда. По мнению Арнольда, распространение культуры в массы приведет к ликвидации классовой структурой общества. Ничего подобного не происходит, и это подтверждают результаты «эксперимента», который проводит Э.М. Форстер. По мнению П. К. Хой II, Форстер «... was far more practical than Arnold and other nineteenth-century idealists who too easily assumed that their schemes were universally applicable to the nation's problems» [10; 223]. «Хауардз Энд» ставит под сомнение вопрос о достижении «цельности»: в конце романа Генри полностью разрушен, погибает Леонард Баст. Маргарет борется за идею в ущерб собственному счастью; в романе она порой выступает не столько как живая женщина, а как миссионер-проповедник. Элен все больше и больше погружена в мир собственного «Я», и в итоге становится такой же бесчувственной, как и все Вилкоксы.

Попытки Леонарда Баста «соединить» внутренний мир с внешним окружением вряд ли можно назвать успешными. Он продвигался только в одном направлении: «I care a good deal about improving myself by means of Literature and Art, and so getting a wider outlook» [8; 46]. Чтобы достигнуть «total perfection» (по М. Арнольду), Леонард пытается погрузиться в мир культуры. Его погружение изменяет его видение вещей и предметов. Так, например, он рассматривает сестер Шлегель как предметы искусства. Но и они, по несколько другим причинам, едва ли видят в нем человека. Маргарет создала вокруг себя собственный мир культуры, Элен погружена в абстрактные схемы и рассуждения. Представляется, что реплика Маргарет, что «... [Leonard's] brain is filled with the husks of books, culture – horrible; we want him to wash out his brain and to go to the real thing» [8; 124] может быть в равной степени отнесена и к ней.

На наш взгляд, Форстер не пессимист: по крайней мере, он пишет о двух ярких событиях в жизни Леонарда: «he remained alive, and blessed are those who live, if it is only to a sense of sinfulness. ... And the other bright spot was his tenderness for Jacky. He pitied her with nobility now....» [8; 272]. Опыт «ночного путешествия» оказался благотворным: Леонард стал чувствительным. Более того, Леонард представляется героем «сферическим» (по терминологии автора), способным к «личным отношениям», в которые верил Э.М. Форстер: «It is private life that holds out the mirror to infinity; personal intercourse, and that alone, that ever hints at a personality beyond our daily vision» [8; 69].

ЛИТЕРАТУРА

1. Arnold M. Culture and Anarchy, edited by J. Dover Wilson. Cambridge University Press, 1935.
2. Arnold M. Equality // The Complete Prose Works of Matthew Arnold, Vol. VIII. Ed. H. Super. Ann Arbor, Univ. Michigan Press, 1965.
3. Colmer J. E.M. Forster. The Personal Voice. London – Boston, Routledge & Kegan Paul, 1975. – 243p.
4. The Complete Prose Works of Matthew Arnold, Vol. V. Ed. H. Super. Ann Arbor, Univ. Michigan Press, 1965.
5. Crews F. C. E.M. Forster: The Perils of Humanism. Princeton (N.J.), Princeton Univ. Press, 1962. – 187p.
6. Цит.по: DeLaura D. Hebrew and Hellene in Victorian England: Newman, Arnold and Pater. Austin: University of Texas Press, 1969.
7. Forster E.M. Does Culture Matter // Forster E.M. Two Cheers for Democracy. New York, 1951.
8. Forster E.M. Howards End. Penguin English Library, 2000. – 302p.
9. Forster E.M. William Arnold // Forster E.M. Two Cheers for Democracy. New York, 1951.
10. Hoy II. P. C. The Narrow, Rich staircase in Forster's Howards End // Twentieth Century Literature. Summer / Fall 85. Vol. 31. Issue 2/3. – P. 221-235.

11. Martin R. The Love That Failed. Ideal and Reality in the Writings of E.M. Forster. The Hague – Paris, Mouton, 1974. – 231p.
12. Ruskin J. The Stone of Venice // The Complete Works of John Ruskin, edited by E.T. Cook and Alexander Wedderburn, Vol. V. London: George Allen, 1904-1905.
13. Trilling L. E.M. Forster. London: The Hogarth Press, 1962. – 164p.

ⁱ Отметим, что Э.М. Форстер также придавал большое значение культуре. Вот как он ее определял: «the various beautiful and interesting objects which have been made in the past, and handed down to us, and which some of us are hoping to get on» [7; 100].

ⁱⁱ Эпиграфом к роману является «only connect...» («только соединить...»).